

С. А. Матяш
Оренбургский государственный университет
(Россия, Оренбург)

И. БРОДСКИЙ О ПЕРЕНОСАХ М. ЦВЕТАЕВОЙ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ «ЗАТЯЖНОГО» ПЕРЕНОСА В ПОЭЗИИ

Опираясь на иерархию синтаксических связей, разработанную М. Л. Гаспаровым и Т. В. Скулачевой, автор статьи предложил еще в 90-е годы XX века свою методику выявления и описания стихотворных переносов. Результатом исследования структуры переносов по нескольким параметрам явилось обнаружение переносов с увеличенным числом строк (до трех и более) и разросшимся словным интервалом. Такие переносы автором названы «затяжными».

Автор статьи демонстрирует подтверждение своей концепции «затяжного» переноса анализом статьи И. Бродского, посвященной поэме М. Цветаевой «Новогоднее». Интерпретация поэтом двух переносов поэмы квалифицируется автором как рефлексия опыта Цветаевой и самого Бродского в создании затяжных переносов.

В статье показываются некоторые особенности «затяжных» переносов Бродского и Цветаевой в контексте предшествующей традиции.

Ключевые слова: enjambement, синтаксис стиха.

Формулировка заглавия статьи побуждает автора начать ее с разъяснения самого понятия «затяжной» перенос, не являющегося в стиховедении на сегодня общепринятым. Явление «затяжного» переноса в русской поэзии было обнаружено еще в 90-е годы прошлого столетия, когда мы, опираясь на иерархию синтаксических связей, разработанную М. Л. Гаспаровым и Т. В. Скулачевой [Гаспаров, Скулачева 1990; 1993; 2004], предложили методику выявления стихотворных переносов (enjambements — в дальнейшем — **enj**) [Матяш 1996: 191–192] и описания их структуры по нескольким параметрам [Матяш 2001: 173]. Среди параметров был учет словного интервала между синтаксически связанными словами, оказавшимися из-за переноса в разных строках. Выявилось, что словный интервал в **enj** русских 4-стопноямбических поэм XIX–XX вв. находится в пределах 0–2 «метрических» (М. Л. Гаспаров) слов. На этом фоне выделилась небольшая, но вполне обозримая (5–10% от числа **enj**) группа переносов,

словный интервал которых составляет три и более слов, а вся структура занимает не две строки, как в традиционных переносах¹, а три и более: «Я стала ей в позор, быть может / (Какая страшная мечта!), / Моим отцом *я проклята*».² («Полтава» А. Пушкина). Для данной модификации переносов был предложен термин «затяжной» и описан механизм его образования: «затяжной» перенос возникает тогда, когда оставленное (реже — перенесенное) слово на пути образования синтаксической связи на смежной строке (как в традиционных переносах) встречает препятствие, своеобразный заслон, в виде вставной конструкции (как в приведенном примере) или другой синтаксической структуры и в поисках этой связи спускается на третью строку или еще ниже.³ [Матяш 2001: 177–176]. В специальном исследовании «затяжных» переносов на материале стихотворного эпоса [Матяш 2004] сделан обзор синтаксических единиц, выступающих в виде «заслона» (другими словами — представляющих «затяжку») и поставлен вопрос о константном и доминантном признаках этой модификации **enj**. Из двух признаков «затяжного» переноса (увеличенный словный интервал, увеличенный строчный объем) статус константного признака получил признак разросшегося объема (до трех и более строк) как максимально учитывающий специфику стихотворной речи.⁴ Увеличенный словный интервал получил статус доминантного признака, так как среди переносов Пушкина и других русских поэтов выявлено несколько «затяжных» (3-строчных) **enj** с 2-словными интервалами и, наоборот, — традиционных (2-строчных) с интервалами 3-сложными. Ср. в поэмах Пушкина: «Его схватил и к голове / По окровавленной траве / *Бежит* с намерением жестоким». («Руслан и Людмила»); «<...> Изабелла / Душой о грешнике, как ангел, *пожалела*». («Анжело») (подробнее об этом [Матяш 2013: 9]). Насколько это утверждение верно, покажут дальнейшие исследования.

В настоящее время к нашим собственным работам о «затяжных» **enj** стихотворного эпоса XIX–XX вв. (свыше 50 поэм), стихотворений А. Пушкина, М. Лермонтова, Вяч. Иванова, А. Твардовского [Матяш 2004; 2010; 2013; 2015] добавились исследования наших аспирантов, описавших «затяжные» переносы В. Кюхельбекера [Чекакина 2012], Н. Некрасова [Бокушева 2001], Андрея Белого [Бородавкина

¹ Традиционными мы называем переносы, функционирующие в русской поэзии и отраженные в классификациях научной и учебной литературы (строчные, строфические, слоговые), имеющие в своей структуре две строки — верхнюю (откуда переносится часть фразы) и нижнюю (куда переносится часть фразы).

² Здесь и далее слова (словосочетания) в переносе подчеркнуты; слова, с которыми образует синтаксическая связь, маркированы курсивом.

³ Понятно, что «ниже» слово ищет связь в случае переноса типа *contre-rejet* (**c-r**), как в приведенном примере; в случаях переносов типа *rejet* (**r**) или *double-rejet* (**d-r**) перенесенные слова в поисках синтаксической связи поднимаются вверх.

⁴ С точки зрения данных двух признаков в нашем материале самый разросшийся «затяжной» перенос — 17 слов, 8 строк — в поэме А. Твардовского «Василий Теркин»: «Не о том с надеждой сладкой / Я мечтал, когда украдкой / На войне под кровлей шаткой, / По дорогам, где пришлось, / Без отлучки от колес, / В дождь, укрывшись плащ-палаткой, / Иль зубами сняв перчатку, / На ветру, в лютой мороз, / *Заносил* в свою тетрадку / Строки, жившие вразброс».

2013], О. Мандельштама [Служаева 2012].⁵ Мощную поддержку нашей концепции «затяжного» переноса мы неожиданно обнаружили в статье И. Бродского «Об одном стихотворении» (1981), посвященной интерпретации поэмы⁶ М. Цветаевой «Новогоднее» (1927).

Как известно, И. Бродский в Нобелевской лекции назвал Цветаеву в числе пяти главных своих учителей. Естественно, что имена Бродского и Цветаевой стоят рядом во многих исследованиях поэтики того и другого поэта. «Новогоднее» и статья Бродского о «Новогоднем» неоднократно привлекали внимание ученых⁷, однако, насколько нам известно, до сих пор никто (и автор настоящей работы — не исключение) не обращал внимания на тот фрагмент статьи, в котором будущий нобелевский лауреат проанализировал, в нашей терминологии, «затяжные» переносы своего учителя. Каким образом?

«Об одном стихотворении» представляет собой последовательную интерпретацию каждой из 194 строк «Новогоднего» с указанием на характер переживания, особенности стиля и стиха. Однако (важно подчеркнуть), «Об одном стихотворении» — не пособие по анализу текста и не стиховедческий трактат. Это — эссе, в котором Бродский высказывает суждения общепhilософского и общепстетического плана («самовоспроизводящая природа языка», стихосложение как ускоритель сознания, «всякое творчество — реакция на предшественников», губительность клише для творчества и др.); многие из этих идей позднее были развернуты в «Нобелевской лекции» (1987). Несомненную ценность представляют разбросанные по всей статье характеристики Цветаевой — идеологической направленности всего ее творчества («неприемлемость мира») и особенностей поэтики («психологический реализм», «поэт бесконечного придаточного предложения», «интенсивность дикции», «стилистическая контрастность» и др.), в том числе — особенностей стиха «Новогоднего» (хорей, вызывающий ассоциации с фольклором, дактилические — причитающие — окончания в хорее, цезура и графический перебой, меняющие тональность речи, многоступенчатый синтаксис, частые переносы, ставшие «ее автографом, ее отпечатком пальцев»). С точки зрения стиховеда, самым примечательным в статье является то, что обилие высказанных идей разного плана и масштаба стимулирует Бродского сделать вывод о том, что художественные средства («метрические ухищрения», «рифмы», «enjambement'ы», «звукоспись и т. п.») «говорят нам о поэте больше, чем самая искренняя и ширококвещательная (его — С. М.) декларация». И этот методологически принципиальный вывод

⁵ Термин «затяжной» перенос с отсылкой к нашей работе [Матяш 2001] использовал в своих исследованиях стиха И. Бродского К. А. Власов [Власов 2005; 2010], но его характеристики «затяжного» переноса не имеют ничего общего с нашими.

⁶ Бродский в тексте статьи называет «Новогоднее» стихотворением, элегией, надгробным плачем (см.: [Бродский 1992, т.2: 396, 442]; все произведения Бродского цитируются по этому изданию). В эдиционной практике «Новогоднее» включается в число поэм (см.: [Цветаева 1990]; все произведения Цветаевой цитируются по данному изданию).

⁷ См., например, работы [Артемова 2003], [Хаимова 2008], [Семенов 2010], [Зубова 2012] и др.

Бродский предлагает иллюстрировать необычными (с нашей точки зрения, «затяжными») переносами в самом начале «Новогоднего»:

С Новым годом — светом — краем — кровом!
Первое письмо тебе на новом
— Недоразумение, что — злачном —
(Злачном — жвачном) *месте* зычном, месте звучном
Как Эолова пустая башня.
Первое письмо тебе с *вчерашней*,
На которой без тебя изноюсь —
Родины, теперь уже — с одной из
Звезд ... <...>

Очень подробно Бродский анализирует первую строку («С новым годом — светом — краем — кровом!»). Он оценивает и звукопись, и градацию, создающую «ощущение чистого, рвущегося ввысь и как бы отрекающегося (отрешающегося) от себя голоса». Здесь отметим, что поэт, выступающий в роли критика, сначала отмечает частотный прием Цветаевой — нанизывание тире. Думается, этот прием особенно впечатляет Бродского, потому, что сам он тире использует сдержанно, предпочитая перечислительные ряды, оформленные точками. Ср.: «Далеко — в ночи — по асфальту — трость. / Двери — настезь — в ночь — под ударом ветра.» («Не сегодня — завтра растает снег...», 1916, Цветаевой) и «Возможно — натюрморт. Издалека. / все, в рамку заключенное, частично / мертво и неподвижно. Облака. / Река. Над ней кружащаяся птичка.» («На выставке Карла Вейлинка», 1984, Бродского). Далее Бродский предлагает «обратиться к enjambement'у (обращаем внимание на единственное число — *С. М.*) между второй, третьей и четвертой строками «Новогоднего», но сначала не обозначает его, а анализирует нагромождение прилагательных («злачном», «злачном-жвачном», «зычном»), с помощью которых в произведении, посвященном умершему поэту Райнеру Марии Рильке, «новое место» понемногу начинает приобретать черты «того света». Это впечатление, считает Бродский, создается у Цветаевой во многом благодаря необычному переносу. Вообще-то перенос этот — «на новом / ... месте». Бродский, в одном лице критик, поэт и стихотворец, объясняет, почему этот перенос становится у Цветаевой необычным. По его мнению, Цветаева хочет избежать стертости частого приема (enjambement — ее автограф) и для этого «одушевляет» его «двойными скобками». Последнее — очень важное для нас замечание, так как скобки в нашей концепции «затяжного» переноса — самая убедительная разновидность «затяжек» (заслонов).

В заключение анализа первого переноса Бродский высказывает еще одно соображение, представляющее для нас интерес словесным выражением. «Однако главной причиной, побудившей ее *растянуть enjambement на три строки* (курсив наш — *С. М.*) была не столько опасность клише, таившаяся (при всей ироничности тона) в словосочетании «новое место», сколько неудовлетворенность автора заурядностью рифмы «кровом — новым». Как видим, в этом фрагменте статьи Бродский, не используя термин «затяжной» перенос, фактически описывает его структуру: перенос занимает три строки; к переносу имеют отношение скобки; скобки

«растягивают» перенос. (К суждениям критика можно было бы добавить: растягивает перенос до трех строк не только сочетание в скобках, но и вставная конструкция, оформленная двойными тире). Ну и конечно впечатляет то, как Бродский, поэт и стихотворец, отчетливо улавливает художественный эффект необычного переноса Цветаевой, а как критик развернуто и убедительно его демонстрирует.

В следующем фрагменте статьи Бродский анализирует второй необычный перенос Цветаевой («Первое письмо тебе с вчерашней, / На которой без тебя изноюсь, / Родины ... <...>»). Необычность этого переноса состоит в том, что в него, по выражению критика, «вклинивается» предложение «На которой без тебя изноюсь», отделяющее «вчерашней» от «Родины» и тем самым усиливающее паузу, стоящую между этими словами.⁸ Эта пауза, считает Бродский, «увидена — услышана — уже не автором, но адресатом стихотворения — Рильке». Следовательно, во втором фрагменте статьи Бродский описал еще один «затяжной» перенос (он называет его «разорванным»), в структуре которого три строки, что является следствием «затяжки», в роли которой выступает определительное придаточное предложение. Примечательно также, что, анализируя второй перенос, Бродский отметил «разгоняющий дактилизм «Родины». По нашему мнению, он отметил одну из особенностей структуры переносов Цветаевой (в том числе и «затяжных») — участвовавшие случаи дактилических словоразделов в нижней строке (в **enj** типов **r**, как в процитированном тексте, и **d-r**).

В приведенном выше тексте начала «Новогоднего» после двух трехстрочных переносов («затяжных», в нашей терминологии) появляется двухстрочный перенос типа **d-r** («Родины — теперь уже с одной из / Звезд ... <...>») с типичной для Цветаевой (и самого Бродского) актуализацией служебного слова в позиции конца строки. Этот **enj** Бродский тоже не оставляет без внимания. Он отмечает «замечательную составную рифму» «одной из») и, оценивая художественный эффект переноса с учетом восприятия его читателем, произносит важные для нас слова: «После двух разорванных enjambement'ов он менее всего подготовлен к третьему — традиционному». Здесь мы полностью согласны с Бродским: как уже отмечалось в начале нашей статьи, все двухстрочные переносы (включая слоговые) мы считаем традиционными, а переносы, имеющие в своей структуре три строки (и более), — нетрадиционными.

В «Новогоднем», по нашим подсчетам, 58 переносов, но Бродский ограничивается анализом первых трех, а остальные (в том числе и те, что фигурируют в приводимых им многочисленных цитатах из поэмы) оставляет уже без внимания. В связи со всем сказанным возникают закономерные вопросы: почему Бродский обратил внимание на «затяжные» (в его фразеологии, «разорванные») переносы Цветаевой — потому, что они соответствовали его собственной практике или, напротив, не соответствовали? А у самой Цветаевой два, описанных Бродским, нетрадиционных переноса — явление экзотическое или достаточно частное?

⁸ На высказывание Бродского о том, что предложение «На которой без тебя изноюсь», вклиниваясь в перенос, продлевает паузу, обратила внимание Л. В. Зубова при рассмотрении вопроса о способах усиления пауз между строками в лирике М. Цветаевой (см.: [Зубова 2012: 418]).

Для ответа на эти вопросы мы провели обследование **enj** Цветаевой и Бродского по указанным выше изданиям⁹. Всего статистическим анализом охвачено у Цветаевой 18 112 строк, у Бродского — 17 081. Полученные данные по традиционным и «затяжным» переносам Цветаевой и Бродского проецировались на аналогичные данные по **enj** Пушкина [Матяш 2013].

У Цветаевой выявлено 1927 переносов, из них 26 «затяжных»; у Бродского — 2728 переносов, из них 25 «затяжных». Для сравнения: у Пушкина среди 1610 **enj** 83 «затяжных». Приведенные цифры говорят о том, что общее число переносов обоих поэтов XX в. сильно увеличилось, а относительная величина «затяжных» — существенно снизилась: у Пушкина частотность **enj** 4,4%, но «затяжные» составляют 5,1% от общего количества **enj**; у Цветаевой переносов почти в два с половиной раза (10,6%) больше, чем у Пушкина, а на «затяжные» приходится только 1,3%; у Бродского переносов больше, чем у Цветаевой в полтора раза (16,0%), но «затяжные» составляют около одного процента. Внутри поэзии Цветаевой и Бродского отчетливая связь между показателями двух частотностей не просматривается. Так, например, у Цветаевой переносов больше в поэмах, чем в лирике (частотность — соответственно — 15,1 и 8,6%), а «затяжных» больше в лирике, чем в поэмах (частотность — соответственно — 1,6 и 1,1%); самую высокую частотность **enj** (32,0%) имеет поэма «Попытка комнаты», 1926, однако «затяжных» переносов в поэме нет. У Бродского самая высокая частотность **enj** (23,4%) в стихотворениях цикла «Часть речи», 1975–1976, но «затяжные» переносы в цикле не выявлены. Исключение составляет «Новогоднее» с общей высокой частотностью переносов (29,9%) и тремя¹⁰ «затяжными», а это 5,2% — так что в этой связи выбор Бродским объекта анализа «затяжных» («разорванных») переносов безусловно точный.

Помимо частотности отметим ряд особенностей **enj** Цветаевой и Бродского, которые дают дополнительный материал для рассматриваемой проблемы «затяжного» переноса. Прежде всего обращает внимание наличие у обоих поэтов «затяжных» переносов строфических:

В стране, которая — одна ×
Из всех звалась Господней —
Теперь меняют имена ×
Всяк, как ему сегодня ×

На ум или не-ум (потом ×
Решим!) *взбредет*. <...>

Цветаева, *Ici — Haut*, 3

⁹ Исследование **enj** Цветаевой выполнено по указанному выше изданию [Цветаева 1990] с добавлением двух поэм («Поэма Горь», «Поэма Конца», 1924) из издания [Цветаева 1965]. Учтены завершённые произведения.

¹⁰ По нашему мнению, третьим «затяжным» **enj** в «Новогоднем» является: «<...> Со своей столько-то (сколько?) мильной / Бесконечной ибо безначальной / *Высоты* над уровнем хрустальным <...>».

А ты совсем, видать, ослепла. Можно ×
представить цвет крупинки мозга,
померкший от твоей, брусчатке ×
сродни, сетчатки,

и содрогнуться. Но тебя, пожалуй, ×
устраивает дух лежалый ¹¹
<...>

Бродский, *Муха*

Среди 83 пушкинских «затяжных» строфических нет. Они начнут появляться позднее, по данным наших аспирантов, у Н. Некрасова, А. Белого. У Цветаевой из 26 «затяжных» — 11 строфических, у Бродского строфических — 4. Несомненно, это следствие стремительного увеличения частотности строфических традиционных переносов, которое уже отмечалось исследователями (см. [Шапир 2003], [Матяш 2009]). «Новогоднее» — произведение астрофическое, поэтому «затяжные» строфические не попали в поле зрения Бродского.

С точки зрения константного и доминантного признаков (увеличенные объем структуры и словный интервал между синтаксически связанными словами по вертикали) «затяжные» **enj** наших поэтов выглядят следующим образом. У Цветаевой максимально растянутый перенос — 4 строки, 7 слов («Чтобы в груди / (В тысячелетней моей могиле / Братской!) — дожди / Тысячелетий тебя *не мыли* ...» — «Руки — и в круг ...», 1922). В «Новогоднем» первый из описанных Бродским переносов имеет 3 строки, 5 слов, второй — 3 строки, 3 слова. Средние показатели «затяжных» Цветаевой — 3,1 строки, 3,4 слова. У Бродского максимально разросшийся перенос — 5 строк, 13 слов («Колхида вспенила бурун, и Ялта / с ее цветами, пальмами, огнями, / отпускиниками, льнущими к дверям / закрытых заведений, точно мухи / к зажженным лампам, — медленно *качнулась* <...> — «Посвящается Ялте», 1969). Средние показатели — 3,2 строки, 4,4 слова. Среди «затяжных» Пушкина максимальные показатели (6 строк, 14 слов) дает перенос в последних строках «Полтавы», средние данные — 3,2 строки, 4,4 слова. Как видим, «затяжные» переносы Бродского в сравнении с цветаевскими более растянуты, их показатели приближаются к пушкинским.

В связи с рассмотрением показателей по специфическим параметрам «затяжного» переноса укажем, что у Цветаевой из 26 **enj** 2-словный интервал («<...> Что сквозь пыльную тучу / Рукоплещущих толп / Расшибаются. <...>» — «Ода пешему ходу», 1931–33) имеют шесть. У Бродского 2-словный интервал («<...> теряя / (пусть навсегда) // что-либо, ты <...>» — «Разговор с небожителем», 1970) — в двух переносах. Как мы помним, необычность **enj** Цветаевой Бродский видит

¹¹ В двух процитированных текстах подчеркнуты и маркированы курсивом слова, имеющие отношение к «затяжным» переносам. Знаком × помечены места всех переносов. Из примеров видно, что в структуре «затяжных» переносов могут функционировать традиционные, т. е. возникает явление «перенос в переносе». Явление это у обоих поэтов — распространенное.

в растянутости переносов на три строки, словный интервал в этих переносах критик не отмечал. Суждение Бродского и статистические данные — это дополнительные аргументы для нашего тезиса о то, что константным признаком «затяжного» переноса является объем (три и более строк), а словный интервал (три и более слов) — признак доминантный.

Остальные параметры описания «затяжных» **enj** совпадает с параметрами описания переносов традиционных: типы переносов, клаузулы верхней строки, словоразделы нижней строки (в типах **r**, **d-r**), набор и частотность синтаксических связей¹². Приведем наиболее важные для данной работы результаты.

У Цветаевой все три типа переносов (традиционно выделяемых в стиховедении): **r** (см. второй перенос в «Новогоднем»); **c-r** («Искатель подвигов — опять / Нам волей роковых стечений / Друг друга *суждено узнать*» — «Искательница приключений...», 1916), **d-r** («А помнишь, как матом / Во весь свой эстрадный / Басище — меня-то / Обладывал? <...> — «Маяковскому», 1930). У Бродского — тоже есть «затяжные» всех трех типов. Соотношение **r:c-r:d-r** равно: у Цветаевой 43,3 : 23,1: 34,6; у Бродского — 13,0: 36,0: 48,0; у Пушкина — 2,4: 77,1: 20,5. Эти данные говорят о том, что структура «затяжных» **enj** у Цветаевой и Бродского отличается от аналогичных переносов классической поэзии, представленной Пушкиным, — разительно. В пушкинских «затяжных» господствовал тип **c-r**. Этот тип у классика преобладал и в традиционных **enj**, «затяжные» это преобладание усиливали, так как использовали преимущественно хорошо разработанные модели. Доля **d-r** у Пушкина скромная, а доля типа **r** — мизерная. Оба поэта ХХв. (особенно Цветаева) архаические **c-r** резко сокращают и, соответственно, увеличивают два других типа: Цветаева — **r**, Бродский — **d-r**. У Цветаевой **c-r** сокращается и в традиционных переносах, в частности, в «Новогоднем» до 5,2% (!). Это — полный провал пушкинского фаворита. Верхняя строка «затяжных» **enj** Пушкина в 62,7% случаев маркируется мужской клаузулой. У Цветаевой аналогичный показатель составляет 57,7%, у Бродского — 48,0%. Таким образом, по этому параметру Цветаева ближе к классической традиции, чем Бродский. На клаузулы верхней строки в **enj** Бродский внимания не обратил. Зато, как мы помним, он отметил дактилический словораздел (в нашей терминологии) нижней строки. Соотношение мужских, женских, дактилических словоразделов равно: у Цветаевой 35,0: 20,0:45,0; у Бродского 31,3: 43,7: 25,0; у Пушкина 42,1: 42,1: 15,8. Как видим, у Пушкина мужские и женские словоразделы составляли равновесие, доля дактилических была относительно скромной. Цветаева по этому параметру решительно меняет структуру «затяжного» переноса: доля дактилических словоразделов (см. второй перенос в «Новогоднем») не просто увеличивается, эти словоразделы у нее лидируют. Кроме того, в «затяжных» Цветаевой появляются гипердактилические словоразделы: «<...> двойной за-
прудой / — Без памяти и по края! - / Покоящиеся ... <...>» («Час души», 1923).

¹² Набор и частотность синтаксических связей описывались с учетом иерархии синтаксических связей, разработанных М.Л. Гаспаровым и Т.В. Скулачевой [Гаспаров, Скулачева 2004: 182–190]; используемая аббревиатура названий связей также принадлежит этим ученым.

У Бродского тоже есть эффектные дактилические словоразделы в нижней строке «затяжного» переноса: «<...> с тобой имела общие *черты* / (шепчу автоматически «о, Боже», / их вспоминая) *внешние*. <...>» («Двадцать сонетов к Марии Стюарт», 1974). Их меньше, чем у Цветаевой, но значительно больше, чем у Пушкина. Таким образом, совершенно очевидно, что, отметив «разгоняющий дактилизм «Родины», Бродский продемонстрировал новаторский прием Цветаевой, к которому прибегал и сам.

Среди синтаксических связей в «затяжных» переносах Пушкина лидируют (45,8%) связи обстоятельственные — **Об**. Это — связи самые популярные в пушкинскую эпоху и в традиционных переносах. Второе место (24,1%) у Пушкина занимают связи предикативные — **Пр**, третье (14,4%) — дополнительные, с дополнением косвенным, четвертое (7,2%) — между частями составного сказуемого, пятое (3,6%) — с обособленными оборотами, шестое (2,4%) — между однородными членами, седьмое (1,2%) — связи определительные — **Оп**. У поэтов XX в. набор связей практически сохраняется, но пропорции их существенно меняются. У Цветаевой лидируют, как и у Пушкина, связи **Об** — и с близкой великому предшественнику частотностью (46,2%), но на втором месте у нее связи **Оп** (23,1%), занимавшие у Пушкина последнее место. (**Оп** у Пушкина и долго после Пушкина и в «затяжных», и в традиционных **enj** были единичными). У Бродского лидируют (44,0%) **Пр**, связи **Об** перемещаются на второе место (32,0%), **Оп** занимают третье место (8,0%). Как видим, культивирование связей **Оп** является самым примечательным для данного параметра структуры «затяжных» **enj**. Тем важнее отметить, что два первых переноса «Новогоднего», которые анализировал Бродский, имели связи **Оп** («новом / ... месте», «вчерашней / ... Родины»), новаторские в структуре «затяжных» Цветаевой.

На этом завершив анализ частотности и структуры «затяжных» переносов Цветаевой и Бродского, сделаем общие выводы.

Интерпретируя необычные переносы Цветаевой в «Новогоднем», Бродский, в одном лице критик, поэт и стихотворец, фактически констатировал функционирование в русской поэзии «затяжных» (в терминологии Бродского, «разорванных») переносов, растянутых на три строки, и показал механизм его образования (у Цветаевой — сознательного). Таким образом, в статье Бродского «Об одном стихотворении» мы впервые обнаружили осмысление большим поэтом ритмико-синтаксического приема, который никогда не был предметом поэтической рефлексии.

Два «затяжных» переноса «Новогоднего», на которые обратил внимание Бродский, были не единственными у Цветаевой и соответствовали его собственному поэтическому опыту.

Говоря о «необычных» стихотворных переносах Цветаевой, Бродский не отметил многочисленных ее предшественников. Это обстоятельство может быть объяснено тем, что «затяжные» **enj** Цветаевой сильно отличаются от **enj** предшественников по структуре.

Интерпретация «затяжных» переносов Цветаевой Бродским и проведенный нами анализ частотности и структуры **enj** обоих поэтов подтверждают нашу концепцию «затяжного» переноса, с его константными и доминантными признаками, и в то же

время заставляют внести некоторые коррективы в наши, ранее высказанные, суждения, в частности, такие как: «затяжные» переносы возникают преимущественно в стихотворном эпосе; в «затяжных» переносах преобладает тип *c-r*; в творческом процессе при создании «затяжных» переносов значение имеет главным образом интуиция.

Литература

Артемова С. Ю. О жанре письма в поэзии И.Бродского // Поэтика Иосифа Бродского : сб. науч. трудов. Тверь. 2003. С. 128–139.

Бокушева Г. А. Стихотворный перенос (на материале поэзии Н. А. Некрасова) / дис. ... канд. филол. наук. Караганда. 2001. 158 с.

Бородавкина Е. Ю. Переносы (enjambements) в лирике Андрея Белого // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013, № 11. С. 13–17.

Бродский И. А. Форма времени: стихотворения, эссе, пьесы: в 2-х т. / сост. В. И. Уфлянд. Минск. 1992. Т. 1–480 с.; Т. 2–480 с.

Власов К. А. Система стиха И. А. Бродского (проблемы метра и ритма) / автореф. ... канд. филол. наук. М. 2005. 16 с.

Власов К. А. Использование сочетаний различных видов стихотворного переноса в эмигрантский период творчества И. А. Бродского // Язык как сфера взаимодействия филологических и методических исследований / материалы Всероссийской науч. практич. конф. Орел. 2010. С. 217–231.

Гаспаров М. Л., Скулачева Т. В. Структура стихотворной строки: ритм и синтаксис // Проблемы стиховедения и поэтики. Алма-Ата. 1990. С. 62.

Гаспаров М. Л., Скулачева Т. В. Ритм и синтаксис в свободном стихе // Очерки истории языка русской поэзии XX века. М. 1993. С. 20–43.

Гаспаров М. Л., Скулачева Т. В. Статьи о лингвистике стиха. М. 2004. 288 с.

Зубова Л. В. Стихия и разум на границе строк (в продолжение темы «Стиховой перенос Марины Цветаевой») // Славянский стих IX. М. 2012. С. 413–424.

Матяш С. А. Стихотворный перенос: к проблеме взаимодействия ритма и синтаксиса // Русский стих: в честь 60-летия М. Л. Гаспарова. М. 1996. С. 189–202.

Матяш С. А. К истории и типологии стихотворного переноса // Славянский стих: лингвистическая и прикладная поэтика. М. 2001. С. 172–186.

Матяш С. А. «Затяжной» перенос в русском стихотворном эпосе // Славянский стих. VII. Лингвистика и структура стиха. М. 2004. С. 206–220.

Матяш С. А. Строфический перенос в русской поэзии (вопросы теории и истории) // Славянский стих: стих, язык, смысл. VIII. М. 2009. С. 192–210.

Матяш С. А. Переносы (enjambements) в поэзии Вячеслава Иванова // Вячеслав Иванов: исследования и материалы. Вып. 1. СПб. 2010. С. 278–290.

Матяш С. А. Структура «затяжных» стихотворных переносов А. С. Пушкина // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013, № 11. С. 6–12.

Матяш С. А. О стихе «Книги про бойца» А. Т. Твардовского «Василий Теркин» («затяжные» переносы) // Проблемы поэтики и стиховедения: материалы VII Международ. науч.-теоретич. конф., посвященной 70-летию Победы в Великой

Отечественной войне и 100-летию со дня рождения М. Габдуллина. Алматы. 2015. С. 72–74.

Семенов В. Структура и типология русского стиха в представлении Иосифа Бродского: опыт реконструкции // *Соп атоте: историко-филологический сборник в честь Любови Николаевны Киселевой*. М. 2010. С. 573–581.

Служаева Е. Ю. Переносы (enjambements) в лирике Осипа Мандельштама // *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2012, № 11. С. 40–45.

Хаимова В. М. Особенности художественного пространства в элегиях М. Цветаевой и И. Бродского («Новогоднее» и «Большая элегия Джону Донну») // *Русское зарубежье — духовный и культурный феномен: международ. сб. науч. статей*. Вып. 2. М. 2008. С. 189–196.

Цветаева М. И. Избранные произведения / вступ. ст. В. Орлова, сост., подгот. текста и примеч. А. Эфрон и А. Саакянц. М.–Л. 1965. 812 с.

Цветаева М. И. Стихотворения и поэмы / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Е. Б. Коркиной. Л. 1990. 800 с.

Чекакина Н. А. Стихотворные переносы в лирике В. К. Кюхельбекера в контексте пушкинской традиции // *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2012, № 11. С. 46–49.

Шапир М. И. Три реформы русского стихотворного синтаксиса (Ломоносов — Пушкин — Иосиф Бродский) // *Вопр. языкознания*. 2003, № 3. С. 31–78.

Svetlana A. Matyash
Orenburg State University
(Russia, Orenburg)

IOSIF BRODSKY'S NOTES ABOUT MARINA TSVETAYEVA'S ENJAMBEMENTS IN THE CONTEXT OF "PROLONGED" ENJAMBEMENT IN POETRY.

In the 1990s the author proposed her own method—based on the “hierarchy of syntactic links” formulated by M. L. Gasparov and T. V. Skulacheva—for identifying and describing enjambements in poetry. In analyzing the structure of enjambement according to various parameters a new phenomenon was discovered: enjambements over a large number of lines (3 or more) with an expanded word interval. The author of this article labeled this type of enjambement as “prolonged”.

The author demonstrates how an article by Brodsky on Marina Tsvetayeva's poem “New Year's Greeting” supports the concept of “prolonged” enjambement. Brodsky's analysis of two enjambements in the poem are seen as reflecting the experience of Tsvetayeva and of Brodsky himself in creating “prolonged” enjambements.

The article reveals some specific features of Brodsky's and Tsvetayeva's enjambements in the context of previous tradition, Brodsky, Tsvetayeva.

Key words: enjambement, run-on line, poetic syntax

References

Artemova S. Yu. O zhanre pis'ma v poezii I. Brodskogo [On the genre of an epistle]. *Poetika Iosifa Brodskogo* [Poetics of Iosif Brodsky]. Tver', 2003, pp. 128–139. (In Russ.)

Bokusheva G. A. *Stikhotvornyi perenos (na materiale poezii N. A. Nekrasova)*. Dis. ... kand. filol. Nauk. [Enjambement (Poetry of N. A. Nekrasov)]. Karaganda, 2001, 158 p. (In Russ.)

Borodavkina E. Yu. Perenosy (enjambements) v lirike Andrey Belogo [Enjambement in Andrey Bely's Lyrics]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013, № 11, pp. 13–17. (In Russ.)

Brodskii I. A. *Forma vremeni: stikhotvoreniya, esse, p'esy* [Form of the Time: poems, essays, plays]. Minsk, 1992, in 2 vol. (In Russ.)

Vlasov K. A. *Sistema stikha I. A. Brodskogo (problemy metra i ritma)* [Brodsky's Verse System (problems of metre and rhythm)]. Avtoref. ... kand. filol. nauk. Moscow, 2005, 16 p. (In Russ.)

Vlasov K. A. Ispol'zovanie sochetanii razlichnykh vidov stikhotvornogo perenosa v emigrantskii period tvorchestva I. A. Brodskogo [The Use of Different Types of Enjambement in Immigrant Period of Brodsky]. *Yazyk kak sfera vzaimodeistviya filologicheskikh i metodicheskikh issledovaniy* [Language as a Sphere of Attention of Philology and Methodology]. Orel, 2010, pp. 217–231. (In Russ.)

Gasparov M. L., Skulacheva T. V. Struktura stikhotvornoj stroki: ritm i sintaksis [The Structure of a Verse Line]. *Problemy stikhovedeniya i poetiki* [Problems of Verse Study and Poetics]. Alma-Ata, 1990, p. 62. (In Russ.)

Gasparov M. L., Skulacheva T. V. Ritm i sintaksis v svobodnom stikhe [Rhythm and Syntax in Free Verse]. *Ocherki istorii yazyka russkoi poezii XX veka* [The History of Language of Russian XX Century Poetry]. Moscow, 1993, pp. 20–43. (In Russ.)

Gasparov M. L., Skulacheva T. V. *Stat'i o lingvistike stikha* [On Linguistics of Verse]. Mjscow, 2004, 288 p. (In Russ.)

Zubova L. V. Stikhiya i razum na granitse strok (v prodolzhenie temy «Stikhovoi perenos Mariny Tsvetaevoi») [Chaos and Reason at the Line's Border (to the Discussion of Enjambement in Tsvetaeva's Poetry)]. *Slavyanskii stikh* [Slavic Verse], vol. IX, Moscow, 2012, pp. 413–424. (In Russ.)

Matyash S. A. Stikhotvornyi perenos: k probleme vzaimodeistviya ritma i sintaksisa [On Enjambement: the problem of Interaction of Rhythm and Syntax]. *Russkii stikh: v chest' 60-letiya M. L. Gasparova* [Russian verse: To 60th Anniversary of M. L. Gasparov]. Moscow, 1996, pp. 189–202. (In Russ.)

Matyash S. A. K istorii i tipologii stikhotvornogo perenosa [To the Hystory and Typology of Enjambement]. *Slavyanskii stikh: lingvisticheskaya i prikladnaya poetika* [Slavic Verse: Linguistic and Applied Poetics]. Moscow, 2001, pp. 172–186. (In Russ.)

Matyash S. A. «Zatyazhnoi» perenos v russkom stikhotvornom epose [Multi-line Enjambements in Russian Verse Epos]. *Slavyanskii stikh. Lingvistika i struktura stikha* [Slavic Verse. Linguistics and Verse Structure], vol. VII, Moscow, 2004, pp. 206–220. (In Russ.)

Matyash S.A. Stroficheskiy perenos v russkoi poezii (voprosy teorii i istorii) [Enjambement between Stanzas in Russian Poetry (Theory and History)]. *Slavyanskiy stikh: stikh, yazyk, smysl* [Slavic Verse: Verse Structure, Language, Meaning]. Vol. VIII, Moscow, 2009, pp.192–210. (In Russ.)

Matyash S.A. Perenosy (enjambements) v poezii Vyacheslava Ivanova [Enjambement in the Poetry of Vyacheslav Ivanov]. *Vyacheslav Ivanov: issledovaniya i materialy*. Vol.1, St. Petersburg, 2010, pp. 278–290. (In Russ.)

Matyash S.A. Struktura «zatyazhnykh» stikhotvornykh perenosov A.S.Pushkina [The Structure of Multi-line Enjambements of A.S.Pushkin]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, № 11, pp. 6–12. (In Russ.)

Matyash S.A. O stikhe «Knigi pro boitsa» A.T.Tvardovskogo «Vasilii Terkin» («zatyazhnye» perenosy) [On Verse of “Vasilii Terkin” by A.V.Tvardovsky (Multi-line Enjambements)]. *Problemy poetiki i stikhovedeniya* [Problems of Poetics and Verse Study]. Almaty, 2015, pp.72–74. (In Russ.)

Semenov V. Struktura i tipologiya russkogo stikha v predstavlenii Iosifa Brodskogo: opyt rekonstruktsii [Structure and Typology of Verse as Seen by Iosif Brodsky: A Reconstruction]. *Con amore: istoriko-filologicheskii sbornik v chest' Lyubovi Nikolaevny Kiselevoi* [Con Amore: History of Literature and Philology Articles in honour of Lyubov Kiseleva]. Moscow, 2010, pp. 573–581. (In Russ.)

Sluzhaeva E.Yu. Perenosy (enjambements) v lirike Osipa Mandel'shtama [Enjambements in Osip Mandelstam's Lyrics]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, N11, pp. 40–45. (In Russ.)

Khaimova V.M. Osobennosti khudozhestvennogo prostranstva v elegiyakh M. Tsvetaevoi i I. Brodskogo («Novogodnee» i «Bol'shaya elegiya Dzhonu Donnu») [Space in elegies of Tsvetaeva and Brodsky (“New Year” and “Big Elegy to John Donn”)]. *Russkoe zarubezh'e — dukhovnyi i kul'turnyi fenomen* [Russians Abroad: Psychological and Cultural Phenomenon]. Vol. 2, Moscow, 2008, pp.189–196. (In Russ.)

Tsvetaeva M.I. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Writings] Moscow — Leningrad, 1965, 812 p. (In Russ.)

Tsvetaeva M.I. *Stikhotvoreniya i poemy* [Poems]. Leningrad, 1990, 800 p. (In Russ.)

Chekasina N.A. Stikhotvornye perenosy v lirike V.K. Küchelbeckera v kontekste pushkinskoi traditsii [Enjambements in Lyrical Poems of Küchelbecker within Pushkin Tradition] *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012, № 11, pp. 46–49. (In Russ.)

Shapir M.I. Tri reformy russkogo stikhotvornogo sintaksisa (Lomonosov — Pushkin — Iosif Brodskii) [Three Reforms of the Russian Verse Syntax]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 2003, N 3, pp. 31–78. (In Russ.)